

ИСТОРИКО-ФИЛОСОФСКАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ПРОБЛЕМ АНТИЧНОСТИ И ПРЕДФИЛОСОФИИ

«РАЗМЫШЛЕНИЯ» МАРКА АВРЕЛИЯ: ПОПЫТКА ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНО-ФЕНОМЕНОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА

С.Н. Кочеров

Кафедра социально-гуманитарных наук
НИУ «Высшая школа экономики» — Нижний Новгород
ул. Большая Печерская, 25/12, Нижний Новгород, Россия, 603155

Статья посвящена опровержению представлений о пессимистическом характере мировоззрения Марка Аврелия. Проведенный анализ текста его «Размышлений» показывает, что он представляет диалог стоического мудреца с обычным человеком, в котором Марк Аврелий выступает в обеих ипостасях. Обосновывается, что наставления «философа на троне» имеют позитивный характер и содержат призывы мужественно делать свое дело, направленное на благо Мира и Града, с любовью к людям, не унывая при неудачах и не страшась страданий и смерти.

Ключевые слова: мировоззрение Марка Аврелия, внутренний диалог, стоический мудрец, исполнение долга перед Миром и Римом.

«История души человеческой... едва ли не любопытнее и не полезнее истории целого народа, особенно когда она — следствие наблюдений ума зрелого над самим собою и когда она писана без тщеславного желания возбудить участие или удивление».

М.Ю. Лермонтов

Интерпретация текста представляет сложную проблему, особенно если его автор принадлежит к иной культуре, обществу, эпохе. Не говоря о трудностях перевода, в нем всегда содержатся аллюзии, коннотации, ретроспекции, умолчания, присущие активной мысли и живой речи, которые при удалении во времени либо не замечаются читателем, либо становятся для него загадками. Поэтому философские труды выходят с обширными комментариями, порой сравнимыми с объемом самого оригинала. Но даже при опоре на них можно потерять контекст, если трактовать мысли автора, исходя не из его, а из своего смысла понятий, культурного опыта, исторической памяти. В таком случае реконструкция взглядов философа незаметно подменяется выражением отношения к ним, что может быть

не лишено интереса, но затрудняет понимание его учения. Одним из философских трудов, склоняющих исследователей к такому подходу, является «Τὰ εἰς ἑαυτόν» Марка Аврелия, что можно перевести как «Размышления», «К самому себе», «Наедине с собой».

«Пессимистический героизм» (А.Н. Чанышев), «разочарованность, усталость» (В.Г. Иванов), «трагическая безысходность» (А.А. Столяров) — далеко не крайние оценки ведущих мотивов, пронизывающих эти записи. А.Ф. Лосев, например, утверждал, что философия Марка Аврелия «возникла из чувства полной беспомощности, слабости, ничтожества и покинутости человека, доходящей до совершенного отчаяния и безысходности» [5. С. 314]. Сходные оценки даются в трудах зарубежных исследователей. Так, П. Вендланд говорит о «мрачном смирении» Марка Аврелия, Дж.М. Рист — о его «скептицизме», а Р. Доддс отмечает его «вечную самокритику» [1. С. 131]. Р. Дайи и Х. ван Эффентерре, ссылаясь на Диона Кассия, предположили наличие у Марка Аврелия язвы желудка, якобы вызвавшей у императора потребность «самоубеждения», «оправдания в своих собственных глазах» [9. Р. 355].

Данные оценки являются, на наш взгляд, спорными.

Во-первых, если римский стоицизм имел пессимистический и упадочнический характер, как он мог стать почти официальной идеологией в «золотой век» Антонинов — время расцвета Римской империи? Как могли представители правящей и культурной элиты Рима, воспитанные в духе выполнения долга перед своим государством, обрести духовную опору в учении, проповедующем «разочарованность», «усталость» и «безысходность»?

Во-вторых, как сочетаются «скептицизм» и «мрачное смирение» Марка Аврелия с его разумным и энергичным правлением? Ничто в успешной деятельности этого императора не указывает на чувство «беспомощности, слабости, ничтожества и покинутости», о котором пишут исследователи. Поэтому либо «философ на троне» пребывал в глубоком разладе с самим собой, либо выработал позитивное умонастроение, позволявшее сочетать его государственную деятельность с философскими занятиями.

Конечно, нельзя проникнуть в сложный духовный мир Марка Аврелия настолько, чтобы прояснить каждую сентенцию его духовного завещания. Да и не это должно быть главной целью изучения его философского наследия. Важнее установить основания, обусловившие органичное соединение отвлеченно-зеркацательной и активно-деятельной сторон его мировоззрения. Нас интересует, каким образом философское мышление Марка Аврелия и его управление государством взаимно дополняли, влияли и отражались друг в друге. Речь идет о решении той же задачи, которую ставил Б. Кроче. «Вопрос не в том, — отмечал он, — чтобы забыть о Перикле ради политики, о Платоне — ради философии или о Софокле — ради трагедии, а в том, чтобы осмыслить и представить политику, философию и трагедию через Перикла, Платона и Софокла, а последних, напротив, как воплощение политики, философии и трагедии в определенный исторический момент» [4. С. 65]. Здесь может помочь экзистенциально-феноменологический

подход к его «Размышлениям», сочетающий понимание специфики его личности с анализом текста самого произведения.

Исследователи полагают, что Марк Аврелий начал вести свои записи не ранее 171 г. н.э. В последнее десятилетие своей жизни император менее двух лет провел в Риме. Читая его «Размышления», важно помнить, что они записывались не в утренней тиши дворцовых покоев, а в бессонные ночи в палатке посреди военного лагеря. Будучи окружен полководцами и чиновниками, император был лишен общения с философами и ораторами, с которыми любил беседовать в Риме. Чувство одиночества усилилось после того, как в 170 г. ушли из жизни два его учителя и друга — Юний Рустик и Корнелий Фронтон, в письмах к которым он ранее отводил душу.

В 175 г. против Марка Аврелия поднял мятеж пользовавшийся его доверием Авидий Кассий, затем умерла его жена Фаустина, которая, хотя и создала мужу немало проблем, родила ему 13 детей и заслужила звание «матери лагерей». Последние годы императора были омрачены мыслями о его сыне Коммоде, чьи дурные наклонности были видны уже тогда. Попытка Марка Аврелия найти более достойного наследника в лице своего советника и друга Помпеяна была отвергнута последним и лишь обострила конфликт в семье императора.

Потери друзей и родных, разочарование в близких людях, духовное одиночество, а также развитие болезни и приближение смерти не только побудили императора доверить свои мысли пергаменту, но и, вероятно, определили форму его произведения. Многие отечественные и зарубежные исследователи склонны трактовать «Размышления» как личные записи императора, обнажающие его душу. А.А. Столяров характеризует их как «своеобразный философский дневник, содержащий часто не связанные между собою сентенции морально-наставительного характера; с теми или иными оговорками книга отвечает жанру диатрибы» [7. С. 318]. А.А. Гусейнов и Г. Иррлитц находят в них форму морализирования, т.е. отражение «такой жизненной позиции и такого мироощущения, которые, с одной стороны, отвергают безнравственную действительность, а с другой примиряют с ней...» [2. С. 184]. Р. Доддс находит в тексте «Размышлений» проявления острого кризиса идентификации личности автора [10. Р. 43].

Но не все исследователи согласны, что «Размышления» — это личный дневник «философа на троне», записи которого можно трактовать буквально. Так, П. Адо полагает, что «пессимистические формулы Марка Аврелия являются вовсе не выражением личных взглядов пресыщенного императора, но духовными упражнениями, практиковавшимися в соответствии со строгой методикой» [1. С. 134]. Э. Вигард напоминает, что стоицизм есть «философия для жизни», т.е. не столько теоретическая система, сколько «практическое применение древней мудрости, образ жизни и руководство к действию» [11. Р. 5].

Само отнесение «Размышлений» к жанру парэнезы (увещевание) и диатрибы (проповедь) предполагает наличие диалога. Он ведется как беседа между проповедующим «наставником» и «учеником», который вопрошает и слушает. Сенека увещевал Луцилия, Эпиктет наставлял Арриана. Марк Аврелий вел разговор «наедине

с собой», но это также диалог, только внутренний. Кто же выступает в его «Размышлениях» наставником, а кто — учеником? Ответ на данный вопрос дается в одном из его диалогов: «Откажись от своего убеждения относительно того, что кажется огорчающим тебя, — и ты сам в полной безопасности. „Но кто это „сам“? — „Разум“. — „Но я не разум“. — „Будь им“» (VIII, 40)*. Поэтому записи Марка Аврелия, на наш взгляд, можно понять как беседу стоического мудреца, воплощающего в себе «чистый разум», с обычным человеком как носителем чувственно-аффективного начала, причем сам император выступает в обеих ипостасях.

Как стоик Марк Аврелий убежден, что лучше разума для человека ничего нет, «ибо последний есть дух и гений, оболочка же — прах и тлен» (III, 3), он роднит его с богами и указывает его назначение. Но человек редко живет согласно «надлежащему», будучи подвержен влиянию тела и души, внешних обстоятельств и своего окружения. И разуму приходится наставлять его на истинный путь, напоминая, что «все, руководящее тобою, таится внутри тебя самого. Здесь — дар слова, здесь — жизнь, здесь, если хочешь знать, — человек» (X, 38). Обоснование этому Марк Аврелий находит в положении Зенона, что конечная цель человека — это жить согласно (точнее, «со-разумно») с природой целого, т.е. всего мира. Поэтому он призывает всегда помнить о том, «какова природа Целого, какова моя природа, каково отношение второй к первой, и какой частью какого Целого она является, а также о том, что никто не может помешать всегда действовать и говорить согласно природе, часть которой ты составляешь» (II, 9). Иначе люди могут счесть разумным лишь внешнее соблюдение своих обязанностей, совершая при этом омерзительные поступки. Так что следование природе Целого есть тот критерий, что отличает истинно разумное поведение от лишь кажущегося таковым.

Однако Марк Аврелий не лишен сомнений в том, так ли разумен мир, как утверждали древние стоики. Не случайно в его записях отводится много места богам, выступающим гарантами разума и порядка в этом мире, альтернативой которым является смешение и путаница атомов, роковая необходимость или царство случая (IV, 27; IX, 28; XII, 14).

В «Размышлениях» часто звучат советы «читать богов», «быть послушным богам», «призывать богов». Но можно ли на основании очевидной религиозности Марка Аврелия согласиться с тем, что у него «в невероятной степени возрастает обращение к божеству, вера в божественное откровение», что он, как и Эпиктет, «настолько низкого мнения о человеческой душе, что единственный выход для них — это только милость божья» [5. С. 314, 317]? На наш взгляд, опровержение этой категоричной оценки содержится в словах самого Марка Аврелия, что, если боги не вмешиваются в дела людей, то человек способен сам делать то, что ему полезно (VI, 44). Более того, если даже нет никаких богов, а только атомы и пустота, то и тогда «будь доволен уже тем, что среди этого вихря ты сам обладаешь в себе некоторым руководящим началом духа» (XII, 14). Поэтому не только мир

---

* Здесь и далее цитаты из «Размышлений» даются в переводе С.М. Роговина [6].

с его богами задает критерий разумного поведения человека, но и человеческий разум до известной степени является гарантом разумности мира.

С высот мудреца, возвысившегося до единства с мировым разумом — Зевсом, Марк Аврелий призывает человека взглянуть на все проявления своей жизни в их «наготе», что соответствует задачам духовной медитации и морализирования. Для начала он предлагает ему осознать свою мизерность по сравнению с вечным космосом: «Вспомни о сущности в ее целом: в какой ничтожной доли ты участвуешь в ней; о времени в его целом, от которого тебе уделен лишь краткий и мимолетный срок; о судьбе: какой незначительной частицей ее ты являешься!» (V, 24).

Затем он фальсифицирует его «основные инстинкты»: «Относительно мясных блюд и вообще подобных кушаний можно приучить себя к такому взгляду: это вот труп рыбы, это — труп птицы или поросенка. Равным образом фалернское вино — выжатый сок винограда, пурпур — шерсть овцы, окрашенная кровью улитки, соитие — трение известных органов и выбрасывание семени, соединенное с особыми спазмами» (VI, 13).

Не одобряет император и суетное стремление людей к славе, в том числе военной: «Смерть уравнила Александра Македонского с его погонщиком мулов» (VI, 24). И приговором звучит вывод, выносимый миру людей: «Ребяческие распри, ребяческие игры, душонки, обремененные трупами, — зрелище, достойное „Царства мертвых“» (IX, 24).

Кажется, какие еще нужны доказательства для вывода о том, что в глазах Марка Аврелия ничто земное не заслуживало серьезности и участь человека достойна лишь презрения?! Однако все эти сентенции, в которых немало исследователей видят суть его мировоззрения, на наш взгляд, являются для него всего лишь демонстрацией ложного отношения к жизни.

Сам он весьма недвусмысленно передает как свой метод рассмотрения вещей, так и цель, которую при этом преследует. «Следует давать, — пишет он, — определение или описание каждого представляемого предмета, чтобы без покрова и в расчленении всех частей видеть самую его сущность и называть его и все то, из чего он состоит и на что разложится, соответствующими именами. Ведь ничто так не содействует возвышенному настроению, как способность планомерного и истинного проникновения во все встречающееся в жизни и умение встать относительно его на такую точку зрения, чтобы сразу решить: какому миру и какая от него польза, в чем его ценность как для Целого, так и для человека, гражданина высшего Града...» (III, 11). Последний несет в себе духовное, разумное и законное начало, поэтому все мудро-добродетельные люди являются гражданами «града Зевса». Здесь обязанности человека перед природой целого органично переходят в его обязанности перед мировым государством, земной проекцией которого для «философа на троне», естественно, была Римская империя. Отсюда его известное признание: «Для меня, как Антонина, град и отечество — Рим, как человека — мир. И только полезное этим двум градам есть благо для меня» (VI, 44). В свете этих возвышенных обязанностей меркнут суетные людские дела и мелкие страсти, пропадает боязнь бедности и неизвестности, ослабляется даже страх перед смертью.

Марк Антоний часто обращается к теме смерти, наставляя, как пережить потерю близких людей, в частности смерть детей, как подготовиться к неизбежному уходу из жизни. «Не презирай смерти, — учит он, — но будь расположен к ней, как к одному из явлений, желаемых природой... И как ты теперь ждешь, пока дитя выйдет из утробы твоей жены, так следует ждать того часа, когда твоя душа сбросит с себя эту оболочку» (IX, 3). Марк Аврелий воспринимал смерть как необходимость, осуждая людей, которые пытаются отсрочить ее как можно дольше, и советуя «воскрешать в памяти тех, кто жадно цеплялся за жизнь» (IV, 50).

Допуская, как и все стоики, самоубийство при тягостных жизненных обстоятельствах, «философ на троне» отвергал для себя этот выход. «Я буду идти неуклонно, держась природы, пока не свалюсь, — пишет он, — лишь тогда я отдохну, отдав свое дыхание тому, из чего я черпал его ежедневно и возвратившись туда, откуда изошло семя моего отца, кровь матери, молоко кормилицы, в ту землю, которая столько лет кормила и поила меня, которая носит меня, топчущего ее и пользующегося сверх меры ее дарами» (V, 4).

Вместе с тем анализ текста «Размышлений» показывает, что не преодоление страха смерти было главной целью для Марка Аврелия. Гораздо больше его занимало выполнение своих обязанностей по отношению к империи и подданным. По сообщению античных историков (Дион Кассий, Юлий Капитолин), ничто его так не беспокоило, как мнение о том, будто он с кем-то поступил несправедливо. Видимая суровость в исполнении своего долга, проявляющаяся в призывах быть подобным скале (IV, 49) или жить, словно на горе (X, 15), сочеталось у него с бережным отношением к людям.

При этом Марк Аврелий вовсе не питал иллюзий в отношении рода человеческого, поскольку люди, по его мнению, остаются все теми же, меняются лишь времена (IV, 32), поэтому они всегда «будут делать одно и то же, как ты ни бейся» (VIII, 4). Вряд ли император забыл, как в период страшной угрозы Риму, когда германцы прорвались в Италию и он был вынужден мобилизовать на войну даже гладиаторов, подданные сетовали, что, отняв у народа развлечение, он хочет заставить его заниматься философией. Неслучайно он с утра говорил себе: «Сегодня мне придется столкнуться с людьми навязчивыми, неблагодарными, заносчивыми, коварными, завистливыми, неуживчивыми. Всеми этими свойствами они обязаны незнанию добра и зла» (II, 1).

При этом, как ни странно для «разочарованного и усталого» человека, каким его представляют, император часто признается в любви к людям. Так, он вменяет себе в обязанность «всегда ревностно заботиться о том, чтобы дело, которым ты в данный момент занят, исполнять так, как достойно римлянина и мужа, с полной и искренней серьезностью, с любовью к людям, со свободой и справедливостью...» (II, 5). Его терпимость к человеческим слабостям доходила до того, что он призывал «любить и заблуждающихся» (VII, 22).

Редкая снисходительность Марка Аврелия проявилась в том, что, узнав о мятеже Кассия, он заявил войнам о желании «простить того, кто совершил неспра-

ведливость, остаться другом тому, кто погрел дружбу, сохранить доверие к тому, кто нарушил верность» [3. С. 173], и даже не наказал многих участников заговора. Не случайно другой римский историк писал о нем: «Он делал дурных людей хорошими, а хороших — превосходными, спокойно перенося даже насмешки некоторых» [8. С. 33].

Определяя свое отношение к людям, Марк Аврелий замечал: «Человек является для нас существом наиболее близким, поскольку мы обязаны делать людям добро и не тяготиться ими. Поскольку же кто-нибудь из них противодействует исполнению моих обязанностей, постольку он становится для меня не менее безразличным, нежели солнце, ветер, дикий зверь» (V, 20).

Выше свободы от общества, которой более всего дорожил древний стоик, Марк Аврелий ставил служение общему благу. «Не надейся на осуществление Платонова государства, — пишет он, — но будь доволен, если дело подвигается вперед, хотя бы на один шаг, и не смотри на этот успех как на нечто, не имеющее значение» (IX, 29).

В остальном же перед нами все тот же стоический мудрец, разумно-добродетельная личность, убежденная в том, что «лишь одно действительно ценно: прожить жизнь, блюдя истину и справедливость и сохраняя благожелательность по отношению к людям лживым и несправедливым» (VI, 47). Такова в общих чертах жизненная философия Марка Аврелия, которую, исходя из преобладания позитивных ценностей (утверждение добра, служение обществу, любовь к людям) над негативными мотивами (утрата смысла жизни, страх перед смертью, недоверие к ближним), мы склонны характеризовать как «стоический оптимизм».

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Адо П.* Марк Аврелий // Адо П. Духовные упражнения и античная философия. М.; СПб.: Степной ветер; ИД Коло, 2005. С. 127—196.
- [2] *Гусейнов А.А., Иррилиц Г.* Краткая история этики. М.: Мысль, 1987.
- [3] *Дион Кассий.* Римская история. Книги LXIV—LXXX. СПб.: Филологический факультет СПбГУ; Нестор-История, 2011.
- [4] *Кроче Б.* Теория и история историографии. М.: Школа «Языки русской культуры», 1998.
- [5] *Лосев А.Ф.* Эллинистически-римская эстетика // Лосев А.Ф. Юбилейное собр. соч.: в 9 т. Т. 9. Москва: Мысль, 2010. С. 289—323.
- [6] *Марк Аврелий.* Наедине с собой. Размышления / Пер. С.М. Роговина // Римские стоики: Сенека, Эпиктет, Марк Аврелий. М.: Республика, 1995. С. 271—363.
- [7] *Столяров А.А.* Стоя и стоицизм. М.: АО КАМИ ГРУП, 1995.
- [8] *Капитолин Юлий.* Жизнеописание Марка Антонина Философа // Властелины Рима: Биографии римских императоров от Адриана до Диоклетиана. М.: Наука, 1992. С. 28—41.
- [9] *Dailly R., van Effenterre H.* Le cas Marc Aurèle. Essay de psychosomatique historique // *Revue des études anciennes*. Т. LVI. 1954. P. 347—365.
- [10] *Dodds E.R.* Païens et chrétiens dans un âge d'angoisse. Aspects de l'expérience religieuse de Marc Aurèle à Constantin. Paris: les Belles Lettres, 2007.
- [11] *Wiegardt E.* The Stoic Handbook. 2nd ed. San Diego, California: Wordsmith Press, 2010.

“MEDITATIONS” OF MARCUS AURELIUS: THE ATTEMPT OF EXISTENTIAL-PHENOMENOLOGICAL ANALYSIS

S.N. Kocherov

Department of Social Sciences and Humanities
National research University
«Higher school of Economics» in Nizhny Novgorod
Bolshaya Pecherskaya str., 25/12, Nizhny Novgorod, Russia, 603155

The article is aimed to confute the belief held about the nature of the world view of Marcus Aurelius as pessimistic. The analysis of “Meditations” demonstrates that the text represents a dialogue between a stoic sage and an ordinary man, Marcus Aurelius being in the guise of both. The article proves that the guidance of the philosopher king is positive in its nature, calling one to fulfill manfully their duties aimed at the welfare of the World and Rome while manifesting love to people and showing no fear of failure, suffering or death.

Key words: the worldview of Marcus Aurelius, the internal dialogue, the stoic sage, the fulfillment of duty to the World and Rome.

REFERENCE

- [1] Ado P. Mark Avrelj. Ado P. Duhovnye uprazhnenija i antichnaja filosofija. M.; SPb: Stepnoj veter; ID Kolo, 2005. S. 127—196.
- [2] Gusejnov A.A., Irrlitc G. Kratkaja istorija jetiki. M.: Mysl', 1987.
- [3] Dion Kassij. Rimskaja istorija. Knigi LXIV—LXXX. SPb: Filologičeskij fakul'tet SPbGU; Nestor-Istorija, 2011.
- [4] Kroche B. Teorija i istorija istoriografii. M.: Shkola “Jazyki russkoj kul'tury”, 1998.
- [5] Losev A.F. Jellinističeskij-rimskaja jestetika. Losev, A.F. Jubilejnoe sobr. soch.: v 9 t. T. 9. Moskva, Mysl', 2010. S. 289—323.
- [6] Mark Avrelj. Naedine s soboj. Razmyshlenija. Per. S.M. Rogovina. Rimskie stoiki: Seneka, Jepiktet, Mark Avrelj. M.: Respublika, 1995. S. 271—363.
- [7] Stoljarov A.A. Stoja i stoicizm. Moskva: AO KAMI GRUP, 1995.
- [8] Kapitolin Julij. Zhizneopisanie Marka Antonina Filosofa. Vlasteliny Rima: Biografii rimskih imperatorov ot Adriana do Diokletiana. M.: Nauka, 1992. S. 28—41.
- [9] Dailly R. van Effenterre N. Le sas Marc Aurèle. Essay de psychosomatique historique. Revue des études anciennes. T. LVI. 1954. P. 347—365.
- [10] Dodds E.R. Païens et chrétiens dans un âge d'angoisse. Aspects de l'expérience religieuse de Marc Aurèle à Constantin. Paris: les Belles Lettres, 2007.
- [11] Wiegardt E. The Stoic Handbook. 2nd ed. San Diego, California: Wordsmith Press, 2010.